
Вадим Белопольский

**ДОСТОЕВСКИЙ И «ЗАПАДНЫЙ РАСКОЛ»:
ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА ФАМИЛИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
(дополнение к комментарию)**

Генезис и семантика фамилии главного героя романа «Преступление и наказание» на первый взгляд проста и не может вызывать полемики. То, что фамилия Раскольников связана со словами «раскол», «раскольник», не вызывает сомнений. Более того, значение фамилии оказало влияние на сюжет романа. На самых последних страницах писатель излагает содержание снов героя, в которых показывает, к чему в исторической перспективе может привести следование его теории.

Значение фамилии «Раскольников» привлекало внимание многих исследователей (Альтман М.С., Бем А.Л., Белов С.В., Коган Г.Ф., Тихомиров Б.Н., Фридендер Г.М.). Показательно, на наш взгляд, развернутое толкование этого вопроса в книге М.С. Альтмана, специально посвященной семантике имен в творчестве Достоевского. По мнению Альтмана, главную роль в семантике фамилии героя Достоевского играет то значение слова «раскольник», которое возникло в XVII веке в связи с реформами патриарха Никона. В доказательство он приводит слова матери Родиона из черновиков романа о происхождении их фамилии: «Раскольниковы хорошей фамилии... Раскольниковы двести лет известны». «Двести лет известны» — «не значит ли это с начала раскола, когда такая фамилия могла появиться?» Отсюда делается категорический вывод: «Раскольников, видимо, и впрямь из раскольников»¹. Общая черта, которая связывает Родиона с раскольниками, счи-

тает Альтман, — фанатизм. Но и этот довод исследователя вряд ли бесспорен. Действительно, Порфирий Петрович указывает на возможность того, что Раскольников может стать похожим на раскольника Миколку: «Я даже вот уверен, что вы “страданье надумаетесь принять”; мне-то на слово теперь не верите, а сами на том остановитесь <...> В страдании есть идея. Миколка-то прав» (6; 352). У Миколки идея страдания подчинила человека, он принадлежит к тем героям Достоевского, которых «съела идея». Раскольников не таков. Он герой не цельный, а рефлектирующий, принадлежащий не прошлому, а настоящему. Его увлечение идеей носит временный характер и завершается воскресением. Весь путь Родиона на протяжении романа сопровождается непрерывной борьбой между разумом и сердцем и оканчивается победой над идеей.

Чтобы разобраться в вопросе, является ли Родион «раскольниковым» в том смысле, в каком трактует его Альтман, необходимо хотя бы кратко выяснить, каково было отношение Достоевского к раскольникам (староверам). Интерес писателя к этому явлению в нашей истории несомненен. Достаточно вспомнить о его споре с Н.С. Лесковым по поводу повести «Запечатленный ангел».

Какой же была позиция Достоевского по отношению к староверам?

Церковная реформа Никона (в миру Никита Минов) была явлением отнюдь не бесспорным. Будучи человеком тщеславным и властолюбивым, он посвятил свою жизнь одной задаче — осуществить предсказанную ему при гадании мечту — именоваться «великим государем». Реформу он проводил отнюдь не лучшим образом. Став патриархом, он отдал распоряжение о введении трехперстного знамения и запрете двуперстного, а также о запрете поклона на коленях и замене его поклоном в пояс. Решения его не могли не вызывать недоумения и отпора. Они исходили лично от патриарха, не были оформлены как решение собора, а запрещенные формы обрядов были традиционными и утвержденными решением собора. Позднее Никон, уже посредством решения соборов 1656 и 1667 годов, провел еще ряд изменений в церковных обрядах и в написании богослужебных книг: трехкратная вместо двукратной аллилуя, написание Иисус вместо Исус и другие. Все эти исправления касались обрядовой стороны, а не догматов. Так

что обвинение в ереси и «клятвы» (в смысле проклятия) были тяжкой. Мотивировал Никон эти изменения тем, что русская православная церковь будто бы отошла от обрядов греческой церкви потому, что вводила «новины» (новшества). Позднее выяснилось, что дело обстояло наоборот. В русской церкви XVII века были приняты обряды, которые были свойственны греческой в IX—XI веках. Позднее, в XI—XV веках, у них произошли изменения, появились те формы, которые вводил Никон. Так что его утверждение, что он борется с «новинами», было ошибочно. За этими спорами об обрядах стояло соперничество между патриархом и царем. Это проблема «умной двоицы». Никон сравнивал роль патриарха с солнцем, а царя с луной, ставил церковную власть не только равной, но даже высшей. Отсюда его навязчивое стремление именоваться «великим государем». Его противники утверждали, что царь — наместник Бога на земле, «царство» выше «священства». Спор об «умной двоице» был разрешен сыном Алексея Михайловича: должность патриарха была упразднена Петром I.

Для понимания позиции Достоевского в спорах о расколе очень важно учесть следующее обстоятельство. В 1873 и 1874 годах «Общество любителей духовного просвещения» проводило диспут о единоверцах. Единоверцами называли старообрядцев, которые готовы были соединиться с православной церковью на основе разрешения дониконовских обрядов. На этом диспуте главными докладчиками были Т.И. Филиппов и И.Ф. Нильский. Достоевский посещал заседания этого общества и поместил о диспуте статью в газете «Гражданин» (1873, № 14, 2 апреля). В ней Достоевский решительно стал на сторону Т.И. Филиппова (1825—1899) — видного славянофильского публициста, члена редакции «Гражданина». В чем заключалась позиция последнего?

1. Необходимо разрешить старообрядцам исполнять дониконовские обряды, тем более, что такое разрешение действовало при Екатерине II и Павле I.

2. Надо ликвидировать «клятвы» в адрес староверов, принятые на соборе 1667 г. за следование старым обрядам.

3. Для решения вопроса о старообрядцах нужно созвать собор Русской Православной Церкви.

Чем же закончились споры о расколе? Итог можно назвать поистине поразительным, если помнить о высказываниях Филиппова и Достоевского. В 1971 году (двадцатый век!) 30 мая—

2 июня состоялся поместный собор Русской Православной Церкви, который обнародовал документ («деяние») «об отмене “клятв” на старые обряды и на придерживающихся их». Этим «деяние» ликвидировало проклятия в адрес старообрядцев, высказанные собором 1667 года, констатировало «необоснованность» прошлых соборных решений о «еретичности» старых обрядов, признавалась «православность» старых обрядов и «спасительность употребления их». Как видим, «деяние» 1971 года поддержало предложение Т.И. Филиппова, которое защищал Достоевский.

Такое отношение к «раскольникам» (староверам) писатель высказал и в своей полемике с В.Г. Авсеенко. Достоевский говорит о вере народа в Христа: «Народ развратен, но у него религия, там идеалы и начертание. Не зная догматов, он знает (в большинстве) святых своих жития (я не розню от народа 12 миллионов раскольников)» (24; 191). Писатель не отделяет раскольников от народа, не отделяет их от православия, «из которого выйдут все разрешения» (24; 194). Для автора «Преступления и наказания» раскольники — носители древней веры, блюстители высоких нравственных принципов, воплощение «святой Руси». В черновиках к «Подростку» он делает заметки: «Древняя святая Русь — Макаровы» (16; 128), «Макар Иванов (Русский тип)» (16; 121). Кстати, Макар Долгорукий — «странник», близок к «бегунам», к которым, очевидно, принадлежал Миколка — Николай Дементьев.

Выясняя семантическое поле, которое окружает такие слова, как «раскол», «раскольник», необходимо учесть, что если говорить об исторических корнях, то они связаны не только с событиями XVII века. Достоевский вполне мог иметь в виду другое значение, связанное с событием, которое сыграло большую роль в мировоззрении писателя. Это событие — раскол в христианской церкви, который разъединил католиков и православных. В таком смысле употреблял слово «раскол» в своем учении о Церкви А.С. Хомяков. Вряд ли необходимо доказывать, как важен был для Достоевского этот мыслитель и что писатель был знаком с сочинениями Хомякова, находившимися в его библиотеке².

А.С. Хомяков применял слово «раскол» к разделению церкви на православную и католическую: «Западный раскол (читатель позволит мне это выражение, ибо иного совесть моя не допускает) насчитывает уже более тысячи лет существования, принимая за

начало его действительное, хотя еще окончательно не заявленное отпадение Запада»³. «Западный раскол», по утверждению основателя славянофильства, имел катастрофические последствия — он породил индивидуализм: «Западный раскол, разрушив органическое единство земной Церкви и единственное его основание (нравственный закон взаимной любви), разрушил тем самым органическое единство и Церкви невидимой, разъединив человека с его Братьями»⁴. «Почти безграничное развитие индивидуализма — вот отличительный признак Германии»⁵, — утверждал Хомяков. Второе порождение «западного раскола» — рационализм: «Я показал, — пишет Хомяков, — что две части западного раскола суть только две формы Протестантства, что обе ничто иное, как несомненный рационализм, так как обе отрицают нравственное основание религиозного познания»⁶.

Раскольников индивидуалист и рационалист, его чуждость русской почве в этом отношении ощущается даже на бытовом уровне. «Эй ты, немецкий шляпник!» (6; 7) — кричат ему на улице, и эта оценка указывает не только на его «циммермановскую» шляпу, но и определяет его идейную позицию. Теория героя сформировалась под «немецкой шляпой» (и в самом «западном» городе России), она порождение Запада, и поэтому герой обладает теми качествами (индивидуализм и рационализм), которые, по Хомякову, были следствием «западного раскола». Это подтверждается и той апокалиптической картиной гибели человечества, в которой Достоевский показывает, к чему может привести торжество теории Раскольникова. Зараженным «трихинами» людям свойственен индивидуализм, «раскол» носит нарастающий характер, ведет к делению на единицы: «Собирались друг на друга целыми армиями, но армии уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга». Зараженные подчинились идеям, принесенным «трихинами»: «Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов <...>». Индивидуализм и рационализм тесно связаны, разъединенные люди превращаются в существа, которых «съела идея»: «Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других <...>» (6; 419—420).

Как видим, картина, нарисованная Достоевским, близка тем выводам, которые делал Хомяков в своем анализе «западного раскола». Думается, что это надо учитывать, говоря о генезисе и семантике фамилии героя «Преступления и наказания».

Примечания

¹ Альтман М.С. Достоевский по всем векам имен. — Саратов, 1975. — С. 44.

² Гроссман Л.П. Семинарий по Достоевскому. — М.—П., 1922. — С. 194—207.

³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. — Изд. 4-е. — М., 1890. — Т. 2. — С. 120.

⁴ Там же. — С. 126.

⁵ Там же. — С. 355.

⁶ Там же. — С. 158.